

Н.А. Логинова

Б.Г. АНАНЬЕВ – ОСНОВАТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Статья посвящена роли выдающегося ученого Б.Г. Ананьева в развитии Петербургской-Ленинградской психологической школы. Он воспитал много исследователей на основе своих идей антропологической психологии. Его теория продолжает давнюю традицию, включающую такие имена, как Н.Г. Чернышевский, К.Д. Ушинский, В.М. Бехтерев. Обсуждаются основные идеи теории Б.Г. Ананьева.

Ключевые слова: Б.Г. Ананьев, рефлексология, антропологическая психология, онтопсихология, педагогическая антропология, комплексные исследования, человекознание, научная школа, педагогика науки, Институт мозга им. В.М. Бехтерева, Ленинградский государственный университет.

14 августа 2007 года исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного ученого Бориса Герасимовича Ананьева (1907–1972). Его подвижническая жизнь в науке была чрезвычайно плодотворна. Теория и методология Ананьева проникнуты духом антропологизма и гуманизма. И это определило своеобразие научного подхода его научной школы, ядром которой стал коллектив психологов Ленинградского государственного университета. Б.Г. Ананьев далеко вперед продвинул материалистическую антропологическую психологию, которая вобрала в себя новые достижения и веяния наук о человеке XX века. Она же содержит зародыши новой психологии уже двадцать первого столетия. Особенностью творческого пути Б.Г. Ананьева является необычайная широта научного поиска. В круг его интересов входили психические процессы (более всего

чувственное познание и речь), сознание и самосознание, индивид, включая мозговые механизмы нейропсихической регуляции, личность и характер, субъект и способности, индивидуальность как полисистема «человек» со своим внутренним миром.

Цель нашей статьи состоит в характеристике школы Б.Г. Ананьева и его самого как исследователя и организатора психологической науки и образования в нашей стране, как создателя оригинальной и продуктивной научной школы.

В истории науки научная школа – довольно редкое явление. Основанием для ее возникновения является ряд условий, среди которых важнейшим является творческая индивидуальность научного лидера, неотделимая от его личности в целом. Глубина, новаторство, смелость и подлинность научного мышления лидера играют

решающую роль в образовании научной школы. Научную школу в свою очередь можно рассматривать как «соборную личность», или «коллективную индивидуальность» с характерным методологическим профилем (доминированием тех или иных научных принципов), приоритетными проблемами, а также стилем мышления и стилем научного поведения в профессиональном сообществе.

В XX веке стало очевидным, что наука — дело коллективное, и объективная потребность в коллективе, способном выполнить программу лидера, стала осознанной задачей профессиональной деятельности крупных ученых. В нашей стране эта задача решалась в уникальных исторических условиях, возникших вследствие колоссальных событий XX века, важнейшим из которых явилась Октябрьская революция. Идеи переустройства мира и воспитания нового человека впитывались молодыми талантливыми психологами и определили общее направление их научного развития. Однако каждый из них прошел свой собственный научный путь, разработал свою концептуальную систему и отчеканил ее методологический профиль. На рубеже 1920–1930-х гг. в рамках марксизма — иного в советском обществе с унифицированной идеологией быть не могло — возникли самобытные психологические школы. Они оформились в послевоенный период, чему способствовал факт организации психологических отделений университетов.

В Ленинграде лидером психологической школы стал Б.Г. Ананьев¹,

который к тому времени уже осуществил ряд крупных исследований и опубликовал значительные работы по методологии, истории психологии, психологии личности и чувственного отражения. Ему удалось создать всеобъемлющую психологическую концептуальную систему, которая стала источником развития его теории, научных программ и научной школы. Его система является уникальным методологическим образцом гармоничной системы, в которой сочетаются теория и эмпирическая база, гуманитарный и естественно-научный подходы, анализ и синтез, чувственные и логические источники ее происхождения.

Концептуальная система Б.Г. Ананьева — результат трудного многолетнего пути познания, который определился еще в юности, в студенческие годы. Вхождение Б.Г. Ананьева в психологическую науку было стремительным. В 17 лет он стал студентом Горского педагогического института в родном городе Владикавказе и сразу же начал активно участвовать в работе педологического кружка под руководством доцента Романа Ивановича Черановского, выпускника философского отделения Киевского университета и сторонника рефлексологии В.М. Бехтерева. Тогда Борис Ананьев выполнил первые эксперименталь-

¹ Мы здесь не обсуждаем подробно вопрос об истории и взаимосвязи всех крупных научно-психологических школ советского периода, среди которых обычно выделяют школы С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе, В.С. Мерлина, В.Н. Мясищева и школы, возглавляемые учеными круга Л.С. Выготского — А.Н. Леонтьевым, А.Р. Лурией и др.

ные исследования по психологии и опубликовал первые научные статьи. В 1925 г., будучи студентом, он начал преподавать в качестве ассистента кафедры педологии.

В сентябре 1927 г. юный Ананьев прибыл на преддипломную практику в Ленинград в бехтеревский институт по изучению мозга и психической деятельности (или кратко – Институт мозга), что и определило его научную судьбу. С полным основанием он оценивал Институт мозга как важнейший этап и значительное событие жизненного пути. Здесь в тесном контакте с естествоиспытателями разных специальностей Б.Г. Ананьев выработал особый склад ума. Для него характерны строгость мышления, большая эмпирическая обоснованность каждого вывода, лаконичность изложения, умение использовать данные смежных наук, особенно биологических, в целях развития психологической теории.

В Институте мозга сильны были и традиции научного поведения, заложенные его основателем В.М. Бехтеревым, – демократизм, личная скромность, преданность науке вплоть до самоотверженности, широта интересов, готовность к диалогу и сотрудничеству с другими научными направлениями. Бехтерев задал для своих учеников высокую планку не только в науке, но и в гражданской позиции, и тем самым влиял на их личность даже после своей смерти. Молодой Ананьев восхищался им, но при этом искал свой собственный путь в науке.

Институт по изучению мозга и психической деятельности, в котором после окончания вуза учился в аспиран-

туре и работал (до 1942 г.) Б.Г. Ананьев, был основан В.М. Бехтеревым в 1918 г. как научное подразделение Психоневрологического института. Главной особенностью Института мозга, как и Психоневрологического института, являлся его комплексный характер. Принцип комплексного подхода неизменно оставался основополагающим при Бехтерева и после его смерти (он скоропостижно скончался в декабре 1927 г.). Комплексность исследований в Институте мозга осуществлялась через объединение неврологов, физиологов, рефлексологов, педологов, психологов на основе общих программ и задач с целью понимания личности как целого, разноуровневой детерминации ее поведения, включая особенно детерминацию со стороны нервной системы и организма в целом.

Исторический и методологический анализ привел нас к мысли о том, что комплексный подход был формой реализации антропологического принципа, который играл роль общего идейного основания школы Бехтерева². После смерти В.М. Бехтерева эстафету антрополого-психологических исследований подхватил Б.Г. Ананьев. Не являясь непосредственно учеником Бехтерева, он единственный сумел на новом уровне развития наук о человеке возродить комплексные исследования человека с целью понять детерминацию его социального поведения и деятельности, его индивидуальность, характер внутреннего мира.

² Принцип комплексности и его конкретно-историческое воплощение в школе В.М. Бехтерева проанализированы в моей книге «Опыт человекознания...» [14].

Антропологизм — общее умонастроение всех психологов Петербургской школы, включая бехтеревский, ананьевский и современный, послепланьевский периоды ее развития. Таким образом, Петербургская психологическая школа является продолжательницей давней, характерной для русской философской и научной мысли антропологической традиции. Как указывал и доказывал сам Б.Г. Ананьев, родословная Петербургской (Ленинградской) школы включает такие славные имена, как А.И. Галич, Н.Г. Чернышевский, И.М. Сеченов, К.Д. Ушинский, В.М. Бехтерев, П.Ф. Лесгафт.

Школа Ананьева (она же Ленинградская) осознает себя в исторической связи с философским, естественнонаучным и педагогическим антропологизмом материалистического направления. Ее главная проблема — человек как индивид и личность, как материальное системное основание психики и субъект сознания, деятельности и социального поведения. Ее более всего интересует структура, функционирование и развитие полисистемы «человек», в которую «встроено» сознание как внутренний мир. В Петербургской школе в течение всего XX столетия развивалась материалистическая *антропологическая психология*. Начиная с 1950-х гг. в своих публикациях Ананьев ратовал за развитие синтетического человекознания и видел в психологической науке важный центр такого синтеза. Его комплексные исследования 1960—1970-х гг. рассматривались им как одна из моделей современного человекознания.

Итак, Б.Г. Ананьев приобщился к школе Бехтерева в 1920-е гг., когда Бехтерев завершил создание своего варианта объективной психологии в виде рефлексологии. Новое поколение психологов-бехтеревцев назывались тогда рефлексологами³. Среди них Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев, В.Н. Осипова, Р.И. Черановский, А.Л. Шнирман, А.В. Ярмоленко. Главным оплотом рефлексологии являлся Институт мозга.

Особенность рефлексологии состояла в объективном методе (методе сочетательных рефлексов — в первую очередь). Для нее был принципиально важен союз с естественными науками, особенно неврологией. Вместе с тем В.М. Бехтерев понимал недостаточность естествознания для объяснения социального поведения личности и стремился опереться на общественные и гуманитарные науки, чтобы охватить одной объяснительной схемой социальное поведение личности, включая творческую деятельность. Сама же объяснительная схема во многом была сведена к сочетательным рефлексам и не вмещала в себя всю сложность детерминации поведения человека как субъекта и индивидуальности, роль сознания в ней. Бехтерев не был биохевиористом и не отрицал сознания. Однако он не считал сознание предметом науки, поскольку оно не поддается, по его мнению, объективному изучению.

³ В историографии русской психологии сложилось мнение о двух периодах и, соответственно, двух психологических школах, созданных В.М. Бехтеревым: дорефлексологическом периоде и рефлексологическом.

Смерть В.М. Бехтерева совпала с масштабными идеологическими кампаниями Коммунистической партии, направленными на идейную, в виде упрощенного марксизма-ленинизма, унификацию науки и общественного сознания в целом. После Бехтерева усилился процесс критики рефлексологии, который перерос в самокритику. На трех методологических конференциях, состоявшихся в 1929–1930 гг. в Институте мозга, обсуждался главный вопрос о новом самоопределении бехтеревской школы. Одним из лидеров этих дискуссий стал Б.Г. Ананьев, бывший тогда аспирантом Института мозга. Он сделал пять основательных методологических докладов, наметив в них новые пути развития рефлексологии посредством ее диалектизации и отказа от имевших место биологизаторских тенденций посредством социогенетического метода [1; 2]. Вскоре в процессе собственных теоретических поисков и под влиянием дискуссий в научной общественности он пришел к отказу от рефлексологии и сформулировал задачи развития психологической науки на базе марксизма. В итоге Б.Г. Ананьев написал программную статью «О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии» [3], в которой выступил за разработку теории и истории психологии, указал главные проблемы – сознание, личность, развитие психики в онтогенезе, филогенезе и историческом процессе.

Можно думать, что указанная статья положила начало новому – ананьевскому – этапу развития Петербургской психологической школы. Вскоре

Б.Г. Ананьев выдвинулся в первый ряд советских психологов – руководителей новых научных коллективов. В 1934 г. он организовал коллективное исследование на основе собственной научной программы, которое было посвящено развитию характера, а шире – психологии личности. Эти исследования вскоре были свернуты из-за «педологического» постановления ЦК ВКП(б) 1936 г. Но, несмотря на их вынужденную незавершенность, они много дали Ананьеву для формирования взглядов на природу личности и характера, жизненного пути и микросоциальных отношений как детерминант развития личности⁴.

В 1944 году Б.Г. Ананьев возглавил вновь открывшееся психологическое отделение философского факультета Ленинградского государственного университета и со свойственной ему увлеченностью занялся строительством психологической науки и организацией психологического образования в нем. На всю оставшуюся жизнь он связал свою судьбу с этим прославленным университетом. Здесь он получил большие возможности для целенаправленного воспитания учеников – единомышленников и соратников.

Позволим себе высказать мысль о том, что Борису Герасимовичу собственная научная школа была, как мало кому другому, жизненно необходима. Он обладал столь обширной концептуальной системой, столь богат был идеями, замыслами, программами, что осу-

⁴ Материалы характерологического цикла исследований погибли в годы войны. Удалось на их основе сделать лишь несколько публикаций [4–6].

ществить это в одиночку было просто невозможно. Но и ученики нуждались в нем, в его неиссякаемом творческом потенциале, в его участливости, заботе, вдохновляющем одобрении и в то же время строгой требовательности.

В университете расцвел педагогический талант Бориса Герасимовича. Он был непревзойденным мастером *педагогике науки*, воспитателем молодых исследователей. Этим термином Б.Г. Ананьев обозначил не написанный до сих пор раздел педагогики высшей школы как научной дисциплины. Контуры последней были теоретически очерчены им в психолого-педагогических статьях и практически определены в повседневной воспитательной работе профессора, заведующего кафедрой и декана⁵.

Для Б.Г. Ананьева характерно единство мировоззрения, научной концептуальной системы, социального поведения и профессиональной деятельности — исследовательской, организационной и педагогической. Свои педагогические убеждения он не только излагал на бумаге или в устных выступлениях, но и проводил в жизнь как воспитатель научной смены.

Борис Герасимович необыкновенно ответственно относился к судьбе своих учеников, следил за их научным развитием, даже когда они становились вполне самостоятельными учеными, гордился их успехами и переживал их неудачи, возлагал на них часть ответственности за общее дело. И мучился,

когда ученики подводили, проявляли малодушие, недомыслие. В подобных случаях он был особенно строг и принципиален. Призыв к гражданской совести звучал из его уст естественно и заставлял одуматься, выправиться.

Но не всякий учащийся становится учеником-единомышленником. Приобщение к научной школе — двусторонний процесс понимания учителя и учеников, и он осуществляется в совместной исследовательской работе по программе главы школы. Нужна к тому же и специальная педагогическая «технология» воспитания молодого исследователя. О ней мы можем судить по воспоминаниям его учеников и собственному опыту ученичества.

Так, Борис Герасимович привлекал студентов к ответственному исполнению исследовательских программ, в рамках которых работали его зрелые и начинающие сотрудники. При этом полагалось сначала примерить на себя роль испытуемого, потом освоить методику, приступить к сбору эмпирических данных на других людях. Полученные студентами результаты шли в общую копилку, обобщались в монографиях самого Б.Г. Ананьева и его сотрудников. Таким образом, студенческая научная работа не была только учебой, а превращалась в профессиональный исследовательский труд. Она была составной частью важного общего дела. И это воодушевляло и его сотрудников, и учеников. Как вспоминала Елена Федоровна Рыбалко, одна из любимых учениц Ананьева, «он сочетал в себе умение зажечь идеей и предоставить полную самостоятельность, создать условия полной самореализации сил. Была уверенность,

⁵ Педагогическим взглядам Б.Г. Ананьева посвящена кандидатская диссертация И.Б. Хлебниковой, выполненная под руководством В.А. Якунина в 1987 г. [16].

что именно с тобой рядом доброжелательный человек, что твои исследования ему приносят радость. Складывалась взаимно регулируемая система: он – резонатор, он – импульсатор, а ты – приемник. Он создавал циклы научного творчества» (Из интервью в июле 1977 г. Запись моя – *Н.Л.*).

Борис Герасимович много сил отдавал тому, чтобы научить новичков работать в науке – формулировать задачу, ставить эксперимент, работать с фактическим материалом, делать обоснованные выводы. Еженедельно приглашал своих дипломников, аспирантов или соискателей для научных бесед. Вначале рассказывал о замысле конкретной работы, требовал, чтобы ученик все подробно записывал. Позже давал задание прочитать лекцию по новым, собранным аспирантом материалам перед студентами психологического факультета, тем самым способствуя глубокому осмыслению пройденного этапа исследования. Затем вместе с аспирантом анализировал фактические данные. При этом объективировал свой процесс мышления, что и было самым поучительным. А еще он радовался каждому новому факту, добытому учеником. Это нас просто окрыляло.

Его лекции и выступления были всегда похожи на научный доклад. Ананьев не снисходил до уровня студентов, а, напротив, возвышал их. Все в его изложении было всерьез и сложно, и вместе с тем стройно, логично, интересно и постепенно становилось все более понятно. При всем его лекторском мастерстве никогда не импровизировал на «авось». Всегда готовил-

ся к лекциям и выступлениям, делал конспекты, обдумывал очередную лекцию во время длительных прогулок где-нибудь в зеленых кварталах неподалеку от дома, выверял положения очередного доклада или статьи в беседах с сотрудниками, вовлекая их в обсуждение и внимательно относясь к каждому мнению.

С таким же серьезным отношением, как к равному, он давал студентам задания, достойные опытных исследователей и ораторов. Так, без скидок на возраст и незрелость, выдвигал студентов с докладами на большие конференции перед солидной аудиторией.

Борис Герасимович в первый же год существования отделения психологии организовал студенческий кружок, где свои первые исследования провели А.А. Бодалев, Л.М. Веккер, Е.В. Шорохова и другие известные впоследствии ученые. Не случайно в 1946 г. его, молодого тогда профессора, выбрали председателем вновь созданного студенческого научного общества университета.

Вместе с Ананьевым в университет пришли ряд бывших сотрудников Института мозга – В.Н. Мясищев, В.И. Кауфман, Г.С. Рогинский, А.В. Ярмоленко и др. Тем самым укрепилась преемственная связь школы университетских психологов во главе с Б.Г. Ананьевым и психологической школы В.М. Бехтерева. Тем не менее этот факт не затеняет самобытности школы Ананьева, которая развивалась в иных, нежели школа Бехтерева, исторических условиях, на новом уровне науки, с опорой на оригинальные идеи своего основателя.

Идеи Ананьева легли в основу четырех его научных программ, которые мы рассматриваем как взаимосвязанные этапы единого научного пути ученого. Это программа по характерологии (1930-е гг.), психологии чувственного познания (1930–1960-е гг.), педагогической психологии (1950-е гг.), наконец, психологии индивидуальности и ее развития (комплексные исследования 1960–1970-х гг.). Идеи и результаты предыдущих исследований подготавливали возникновение последующих. Все предыдущие программы были интегрированы в комплексных исследованиях индивидуальности, которые оказались последними в жизни ученого. Он ушел от нас, не успев завершить их. Да, в принципе, это было невозможно, ведь Ананьев выдвинул программу на десятилетия, поскольку она обещала перерасти в комплексное, или синтетическое, человекознание и требовала для своего осуществления усилий большого отряда ученых, труда многих научных институтов.

В основе завершающей программы Б.Г. Ананьева лежали выстраданные и апробированные в более ранних исследованиях идеи, более того, вся его концептуальная система — *картина человека*, созданная психологом-антропологом. Основополагающие идеи в этой системе следующие.

Человек — полисистема, которая является основанием психики. Вся сложная психобиосоциальная структура человека опосредует психические процессы, акты деятельности и поведения, а значит, является их внутренней детерминантой. Сама же эта структура складывается в процессах непрерывно-

го взаимодействия человека с миром на основе его отражения.

Человек — носитель психики и субъект сознания, деятель и социальный индивид. Соответственно, структура человека дифференцируется Ананьевым на природного *индивида*, социального индивида — *личность*, *субъекта и индивидуальность*. Каждая из указанных форм существования человека обладает своей структурой, которая завершается психическими элементами: индивид — темпераментом и задатками, личность — характером, субъект — способностями и творчеством, индивидуальность — талантом и характером [10].

Детерминация психики и поведения окружающей действительностью происходит посредством самого человека как полисистемы разнородных объективных свойств, с одной стороны, и субъективного мира, сознания — с другой. Существуют объективные законы развития систем в структуре человека-индивидуальности, в частности объективный порядок созревания психофизиологических функций в тех или иных социальных условиях их практикования.

Вместе с тем возможен рефлексивный способ развития. Рефлексия позволяет выработать новую стратегию социального поведения и жизнедеятельности в целом. Посредством изменения реального хода жизни человек влияет на собственное развитие, в частности создает собственную среду развития.

Теория структуры и развития человека Ананьева обобщила все потоки исследований его школы. В ней свое

место нашли проблемы психического отражения, деятельности, мозговых механизмов поведения и развития, социальной, педагогической и медицинской психологии и многое другое.

Большое значение Б.Г. Ананьев всегда придавал психологии чувственного познания, включая ощущения, восприятия и представления. Он выстроил оригинальную теорию чувственности человека [7; 8]. В его теории первоначальным источником развития является материальная действительность, данная в ощущениях. Ощущения рассматривались как «клеточка» психики, начало всей сложной психической структуры человека и сознания. Таким образом, своеобразный сенсуализм — еще одна отличительная черта концептуальной системы Б.Г. Ананьева и его школы. Ученый выдвинул и обосновал новое понятие «сенсорная (сенсорно-перцептивная) организация», которое означает системность чувственной сферы человека, воплощенную в постоянных связях между анализаторами и соответствующими ощущениями. Возникшая в антропогенезе и исторически преобразованная, она является ядром структуры субъекта. Ее состояние во многом определяет уровень его развития в целом [7; 12].

Природные элементы структуры человека-индивида являются единственным материалом для формирования более сложных, интегральных подструктур. Психические процессы, состояния и свойства в своей основе содержат мозговые психофизиологические функции. Эти функции изначально подчиняются природным законам мозговой деятельности и жиз-

недеятельности организма, но по мере социализации перестраиваются и развиваются под влиянием социальных факторов (деятельность, социальная жизнедеятельность, воспитание в социальной среде).

Природные процессы в жизнедеятельности индивида выполняют энергетическую функцию по отношению к психической деятельности. Так, успешность интеллектуальной деятельности зависит не только от собственно интеллектуальных структур и мотивации, но и от величины умственного напряжения. Оно воплощается в корреляционных плеядах, включая вегетативные, температурные, метаболические функции.

Существуют два контура регулирования энергии в организме. Первый, кортикорегикулярный («вертикальный») — основной. Второй, билатеральный кортикальный («горизонтальный») — дополнительный. С возрастом, по мере накопления жизненного опыта, роль дополнительного контура возрастает. Его сохранность, вопреки естественному ослаблению потоков энергии в вертикальном контуре, является условием высокой работоспособности и жизнеспособности человека. Но это возможно при дивергентном способе развития, когда социально-личностные образования в структуре человека и каждого психического процесса (мотивы и операции) обладают достаточной мощностью и потому могут противостоять естественному старению психофизиологических функций.

Все разделы теории Б.Г. Ананьева интегрированы концепцией разви-

тия индивидуальности. Она получила название *онтопсихологии*⁶. Согласно Б.Г. Ананьеву, онтопсихология представляет собой синтез возрастной психологии и дифференциальной психологии личности. Личность рассматривается как фактор развития (саморазвития), влияющий и на ход онтогенеза («натурального ряда», по Л.С. Выготскому). Предметом онтопсихологии является целостный жизненный цикл, объединяющий природный в своей основе онтогенез индивида и социально-исторический жизненный путь личности. Переплетение и взаимовлияние этих двух составляющих представляет главный интерес для онтопсихологии.

Фундаментальные вопросы онтопсихологии решаются с точки зрения антропологического принципа. Так, психическое развитие рассматривается в связи с общим развитием человека, в процессе его природной и социальной жизнедеятельности, или бытия. Движущие силы развития кроются главным образом во внутренних противоречиях структуры человека, которая объединяет природные, социальные и собственно психологические элементы. Механизмы развития Ананьев усматривал в корреляционных связях, благодаря которым происходит «переброс» изменений одних элементов в процессах жизнедеятельности на другие, с ними связанные. Таким образом, возникают целостные эффекты в конечном счете в виде интегральных новообразований типа характера, таланта, жизненной на-

правленности. Изменения же сначала возникают в процессах повседневного практикования при решении трудовых, коммуникативных, познавательных задач, каждый раз в чем-то новых для личности. Вместе с тем причина изменений может быть и просто возрастной, запрограммированной генетически. Так или иначе, она не изолирована, а по корреляционным связям сказывается на состоянии всей структуры человека.

Некоторые эффекты закрепляются в структуре, если они соответствуют условиям среды, более оптимально обеспечивают жизнедеятельность индивида и личности. Под влиянием своего рода «естественного отбора» по началу временных изменений в элементах структуры происходит то, что С.Л. Рубинштейн назвал грубой формовкой личности. Но есть и другое, так сказать, «строительство личности изнутри» (Б.Г. Ананьев), когда источником изменений является самосознание человека, его жизненная философия, убеждения и т. п. Объективные факторы развития сочетаются с субъективными, роль которых возрастает по мере становления личности, достижения ею зрелости. Личность становится субъектом саморазвития на жизненном пути. Б.Г. Ананьев указал на возможность двух типов развития — *конвергентного*, когда природный онтогенез определяет, по сути дела, развитие личности в старости, и *дивергентного*, когда жизненный путь противостоит естественному угасанию организма, его психофизиологических функций и сохраняет высокий уровень развития и возможность личностного роста даже на грани естественной смерти.

⁶ К несчастью, этот термин узурпирован Антонио Менегетти (Италия).

В свете ананьевской онтопсихологии генеральной целью воспитания и самовоспитания человека является создание жизнеспособной и жизнестойкой системы всех его природных и социально-личностных свойств. Эта оптимальная, хорошо организованная система отличается гармонией своих противоречивых элементов. Она обладает высшей, сознательной саморегуляцией. В ней достигается максимальная интеграция структуры, но при этом сохраняется относительная автономность элементов, умножается число степеней свободы. Такую систему Ананьев называл индивидуальностью.

Педагогика и педагогическая психология, нацеленные на выращивание так понятой индивидуальности, и есть обновленная Ананьевым педагогическая антропология. Борис Герасимович возродил педагогическую антропологию своего идейного предшественника К.Д. Ушинского, но уже на основе новых достижений психологических и других наук о человеке [9–11]. К сожалению, его проект педагогической антропологии до сих пор остается проектом. Его осуществление представляет перспективную задачу не только Петербургской психологической школы, но и всей психолого-педагогической науки.

Теория Б.Г. Ананьева – плод великого ума ученого и обширных эмпирических исследований, выполненных под его руководством. Главные идеи его концептуальной системы подверглись всесторонней фактической проверке и фактическому обоснованию. Научная школа Б.Г. Ана-

ньева выполнила огромный объем научных исследований и создала богатый эмпирический фонд новых фактов. Он столь велик, что далеко не все сделанное до конца описано и осмысленно.

В ходе многочисленных, но внутренне единых исследований в школе Ананьева выросли большие ученые с самостоятельным научным мышлением, создавшие свои концепции и теории. Среди них Лев Маркович Веккер, который построил теорию психических процессов на основе общей информационной теории, рассматривая их как частный, весьма специфический случай информационных процессов [13]. Ананьевская школа обнаруживается в веккеровских идеях о природе осязания как первоисточника психического отражения, в представлении об иерархии носителей психики, в основе которой лежит материальная система «человек».

Борис Федорович Ломов широко известен как теоретик и энтузиаст системного подхода в психологии, что полностью соответствует устремлениям Петербургской психологической школы со времен В.М. Бехтерева. Ему принадлежит заслуга организации и многолетнего руководства Институтом психологии в системе РАН (АН СССР). Б.Ф. Ломов – основатель инженерной психологии в нашей стране, автор многих конкретных исследований. Помимо прочего, он возродил и развил исследования В.М. Бехтерева о влиянии общения на психическую деятельность, сформулировал принцип общения, не сводимый к принципу деятельности.

Алексей Александрович Бодалев — также воспитанник Ленинградской психологической школы. Он известный социальный психолог, персонолог, основатель научного направления по проблеме общения, восприятия и понимания человека человеком. Антропологизм Ленинградской школы сказался на внимании А.А. Бодалева к антропологическим детерминантам социальной перцепции и детальном их изучении.

Елена Федоровна Рыбалко менее известна в научных кругах в силу повышенной скромности и строгой требовательности к себе. Она специализировалась по возрастной психологии и лучше всех других учеников Ананьева освоила и разработала его теорию психического развития. В ее собственных исследованиях существенно продвинуты комплексные исследования индивидуального психического развития в сторону ювенальных возрастов. Ею написана замечательная книга по возрастной и дифференциальной психологии — наиболее удачное и полное, на мой взгляд, изложение структурно-генетического подхода к развитию, свойственного ананьевской школе [15].

Нельзя не сказать и о Нине Васильевне Кузьминой — крупном ученом в области педагогической психологии взрослых. Много лет она проводила сама и руководила многочисленными исследованиями по педагогике высшей школы и педагогической психологии, но главной проблемой, над которой она непрерывно работала и продолжает работать, является проблема педагогических способностей. Ши-

роко известна ее концепция структуры педагогических способностей, педагогического мастерства и его критериев. В духе Ананьева она рассматривает все это с точки зрения развития человека — учителя и ученика.

Мы не будем перечислять всех других заметных и заслуженных учеников Б.Г. Ананьева — их немало по всей стране и за ее пределами. В настоящее время они сами стали учителями для новых поколений психологов и стремятся продолжать дело своего учителя. Однако это не всегда удается. Тому есть объективные и субъективные причины. К сожалению, Б.Г. Ананьев во многом остается непонятым даже среди своих почитателей. Его концептуальная система на редкость сложна и обширна. Она перерастает в антропологию, оставаясь психологической концепцией по главной своей интенции — понять законы внутреннего мира человека. Это возможно на основе изучения полной структуры человека и ее происхождения, развития.

Ответы на эти вопросы психологи-антропологи должны искать на путях эмпирического и теоретического исследования, не подменяя его непрофессиональным философствованием, как это бывает порой. Борис Герасимович до конца своих дней был погружен в процесс исследований и не успел представить во всей полноте свою антрополого-психологическую теорию в итоговом труде (план итоговой книги обнаружен в его архиве).

Борис Герасимович опережал свое время и многие идеи и замыслы адресовал грядущим поколениям ученых. Пусть же они услышат его призыв,

проникнутся его идеями и оправдают надежды на создание антропологической психологии в системе человекознания.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Предмет и метод рефлексологии // Рефлексология или психология. Л., 1929. С. 31–38.
2. *Ананьев Б.Г.* Социогенетическая теория развития поведения человека // Рефлексология и смежные направления. Л., 1930. С. 71–83.
3. *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. IV, вып. 3–4. С. 325–344.
4. *Ананьев Б.Г.* Психология педагогической оценки. Л., 1935.
5. *Ананьев Б.Г.* Воспитание характера школьника. Л., 1941.
6. *Ананьев Б.Г.* Проблема формирования характера. Л. 1949.
7. *Ананьев Б.Г.* Психология чувственного познания. М., 1960.
8. *Ананьев Б.Г.* Теория ощущений. Л., 1961.
9. *Ананьев Б.Г.* Проблемы педагогической антропологии // Советская педагогика. 1966. № 5. С. 27–37.
10. *Ананьев Б.Г.* Структура индивидуального развития как проблема современной педагогической антропологии // Советская педагогика. 1968. № 1. С. 21–31.
11. *Ананьев Б.Г.* «Педагогическая антропология» К.Д. Ушинского и ее современное значение // Вопросы психологии. 1969. № 2. С. 221–234.
12. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М., 1977.
13. *Веккер Л.М.* Психические процессы: в 3-х т. Л., 1974–1981.
14. *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб., 2005.
15. *Рыбалко Е.Ф.* Возрастная и дифференциальная психология. Л., 1990.
16. *Хлебникова И.Б.* Педагогические идеи в творческом наследии Б.Г. Ананьева: дис. канд. пед. наук. Л., 1987.